

УДК 81-11

О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРАВСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

ЛИ Валентин Сергеевич,доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии,
Казахский национальный университет им. Аль-Фараби

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы, связанные с идиоэтническим характером организации языковой (наивной) картины мира. На материале наивной этики дается характеристика моральных представлений и ценностей русского народа, закрепленных не только в традициях и нормах поведения, но и в языковых стереотипах носителей русского языка. Анализируются прагматические функции этических формул русского языка. Эти функции и эгоцентрический характер организации норм наивной этики свидетельствуют о высоких требованиях, которые предъявляются говорящим к самому себе и в целом уважительном отношении к моральным ценностям. Эти ценности закреплены в семантике языка.
КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая картина мира, наивная этика, семантика, прагматические клише, паремия.

LEE V.S.,Dr. Philolog. Sci., Professor of the Department of the Russian Philology,
Al-Farabi Kazakh National University

CONCEPTUALISATION OF THE MORAL REPRESENTATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

ABSTRACT. The article analyses the questions connected with an idioethnical character of the organization of the language (naive) picture of the world. On the material of naive ethics characteristics of the moral representations and values of the Russian people fixed not only in traditions and standards of behavior but also in native speakers of the Russian language stereotypes, pragmatical functions of ethical formulas of the Russian language are considered. These functions and the egocentric character of the standards organization of naive ethics testify to high requirements which are imposed on speakers by themselves and on the whole to respect for moral values. These values are fixed in semantics of the language.

KEY WORDS: linguistic view of the world, naive ethics, semantics, pragmatical clichés, paroemia.

Современная проблематика, связанная с языковой категоризацией и концептуализацией действительности, чрезвычайно сложна и разнообразна. Она, как известно, непосредственно связана с учением о языковой картине мира (ЯКМ). Пройдя через стадии поисков, заблуждений и псевдопроблем, учение о ЯКМ объединяет в себе несколько подходов и направлений. Во-первых, продолжается традиция, связанная с изучением собственно языковой (наивной) картины мира как языкового образа реального мира. В данном понимании ЯКМ ставится в один ряд с таким картинам мира, как физическая и в целом научная картина мира, биологическая, мифологическая, религиозная, философская и т.п. Такая ЯКМ, как справедливо замечает Ю.Д. Апресян, есть не что иное, как «реконструкция присущего языку цельного, хотя и "наивного", донаучного взгляда на мир» [1, с. 350]. Во-вторых, в учении о ЯКМ разрабатывается проблема связи языка и категорий знания и познания, т.е. устанавливаются процессы категоризации сознания в языке и формирования национально-культурных концептов. В-третьих, под влиянием принципа антропоцентризма разрабатывается проблема, которую можно сформулировать так: «человек в языке» или «языковая картина человека». В

Информация для связи с автором: li-vs@mail.ru

четвертых, исследуется так называемая индивидуально-авторская картина мира. Последнее направление, однако, в меньшей мере связано с учением о ЯКМ, ибо оно интересуется образом мира не в языке как таковом, а в сознании отдельного индивида. Оно, скорее, имеет отношение к проблеме языковой личности, к стилю мышления того или иного автора как создателя дискурса. Таким образом, современные концепции ЯКМ часто оперируют понятиями, не получившими строго научной идентификации, поэтому замечание некоторых лингвистов о том, что выражение «картина мира» продолжает оставаться на уровне метафоры, следует признать отчасти справедливым.

При всех возможных подходах к пониманию ЯКМ необходимо различать концептуальную картину мира, связанную с понятийной сферой человеческого мышления и сознания, и языковую (наивную) картину мира, строящуюся на системе так называемых семантических «фильтров» того или иного языка. Очевидно, концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в создании первой участвуют не только различные типы мышления, но и знания, пополняемые данными наук и практики, с помощью которых наши представления о мире, с одной стороны, обогащаются, а с другой

стороны, уточняются и изменяются (ср. различные субстанции, вкладываемые в разные времена в такие понятия, как Земля, атом, огонь, воздух, душа, дух, смерть и многие др.; характерной в этом смысле является история самого понятия «человек», а также различные определения человека в современной науке, что передается с помощью таких терминов, как *homo sapiens*, *homo faber*, *homo loquens* и т.п.).

Однако, несмотря на различия между концептуальной картиной мира и ЯКМ, они связаны друг с другом: «Язык, – пишет Б.А. Серебренников, – не мог бы выполнять роль средства общения, если он не был бы связан с концептуальной картиной мира. Эта связь осуществляется в языке двояким способом. Язык означает отдельные элементы концептуальной картины мира. Это означивание выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями. Язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова» [2, с. 107].

Благодаря такой связи ЯКМ представляет собой один из видов тех картин мира, которые могут претендовать на глобальную, общую картину мира, поскольку элементы ЯКМ связаны через концептуальную картину мира с физической, биологической, мифологической, религиозной и т.п. картинами мира. Не случайно в связи с этим некоторые лингвисты внутри ЯКМ выделяют «наивную физику», «наивную геометрию», «наивную анатомию», «наивную психологию» и т.д. (здесь «наивный» = языковой). В этом ряду картин мира особый интерес представляет наивная этика, поскольку в ней закреплена в языковой форме архетипический, глубинный способ познания человека как социальной данности, способ бытия отдельной личности в человеческом обществе. Начиная с древнейших са크ральных памятников письменности и кончая сокровенными размышлениями философов и мыслителей, наивная этика в языковой форме закрепила так называемые вечные моральные ценности. С другой стороны, благодаря языку, в котором живет любой человек, наивная этика самодостаточна и самоценна, поскольку в ней моральные стереотипы кристаллизуются с помощью языковых форм, прежде всего слов и паремий. Понятно также, почему наивная этика в принципе идиоэтнична; в ней проявляется национальное видение мира, национальная ментальность и весь культурно-исторический опыт того или иного народа. Для иллюстрации русской наивно-языковой этики и так называемой наивной семантики приведем лишь некоторые примеры из работы Ю.Д. Апресяна: «... из анализа пар слов типа *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хвалиться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *смеяться* (над кем-л.) и *глумиться*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *распоряжаться* и *помыкать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, *критиковать* и *чернить*, *добиваться* и *домогайся*, *показывать* (свою храбрость) и *рисоваться* (своей храбростью), *жаловаться* и *ябедничать* и других подобных можно извлечь представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Вот некоторые из них: «нехорошо преследовать узкокорыстные цели» (*домогайся*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подсматривать*, *подслушивать*, *соглядатай*, *лю-*

бопытство); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать*, *глумиться*); «нехорошо забывать о своей чести и достоинстве» (*пресмыкаться*, *подобострастный*); «нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки» (*хващаться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить*); «нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних» (*ябедничать*, *фискалить*) и т.п. Конечно, все эти заповеди – не более чем прописные истины, но любопытно, что они закреплены в значениях слов» [1, с. 351]. Подобного рода интересные наблюдения над русской ЯКМ представлены во многих работах [3; 4; 5; 6; 7].

Присущие приведенным и многим другим словам специфические коннотации формируют наивную этику языка. Она четко прослеживается также в пословицах, поговорках, идиоматике и фразеологии, т.е. в паремии любого языка. Так, исключительно морализирующую коннотацию имеют такие русские выражения, как «Яблоко от яблони недалеко падает», «Два сапога – пара», «Рука руку моет» и др. Интересно отметить, что многие образные выражения-идиомы используются с четкой этической оценкой по шкале «одобрительное (положительное) – неодобрительное (отрицательное)». Например:

ОДОБРИТЕЛЬНОЕ (+) – *не покладая рук, не разбивая спины, с душой, без задней мысли, держать язык за зубами, жить своим умом* и др.

НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ (-) – *валять дурака, палец о палец не ударить, гонять собак, бросать слова на ветер, выносить сор из избы, за глаза говорить, перемывать косточки, обливать грязью, длинный язык* и др.

Важно при этом отметить, что в роли «морализатора» и этического судьи в русском языковом сознании обычно выступает сам говорящий, в силу чего этическая оценка какого-либо поступка проводится по схеме: «Я» – (+), «не Я» – (-), (+), и это обуславливает своего рода семантическое согласование, основанное на правилах наивной этики. Если такие фразы, как «Я весь год работаю не покладая рук», «Я к нему душой...», «Я умею держать язык за зубами» и т.п., соответствуют прагматическим нормам русского языка, то высказывания, построенные без соблюдения норм наивной этики, воспринимаются или как маловероятные, порой даже аномальные (**Я бросаю слова на ветер*; **Я обливаю грязью своих соседей*; ?**Я весь день гоняю собак* и т.п.), или как выражающие бахвальство, самоиронию и вызов общепринятым нормам (*У меня теперь такая работа – весь день валять дурака (гонять собак)* и т.п.).

Вполне очевидно, почему более типичным является употребление в таких случаях выражений с неодобрительной этической оценкой в сочетании с отрицанием: *Я не бросаю слов на ветер*; *Я никогда не говорю о людях за глаза*; *Нехорошо выносить сор из избы* и т.п.

Такой характер организации русской наивной этики свидетельствует не только о «любви русских к моральным суждениям», но и о высоких требованиях, которые предъявляются Г.Гуманитарные науки себе: «Русские более глубоко стыдятся нечестных поступков, предательства или нелояльности» [8, с. 37].

Эгоцентрический характер организации норм наивной этики обуславливает систему так называемых речевых (прагматических) клише, языковых стереотипов, используемых в определенных ситуа-

циях общения и речевого взаимодействия (в различных типах интеракции). Лингвопрагматическое поведение коммуникантов при этом определяется не только их социальным статусом, но и исходящими из этого предписаниями, задаваемыми нормами языковой этики. Сами эти нормы наивной морали универсальны в содержательно-смысловом отношении, но специфичны по своему значению и способам выражения в каждом языке (ср., например, очень сложную с точки зрения европейца систему языковых средств передачи вежливости в китайском, японском, корейском и др. восточных языках). Вместе с тем компоненты этической коннотации являются неременной принадлежностью семантики и прагматики слова или фразеологизма, поэтому в определенных условиях они выполняют функцию дифференциальных признаков. Так, например, «круговое» толкование стереотипов извинения «Извини(те)» – «Прости(те)» возможно лишь до определенного предела, и это связано не только с тонкостями семантического противопоставления в этих двух формулах, но и с различиями в наивной этике (ср.: *Извините меня за эти слова. – Простите меня за эти слова, но нельзя: Господи, простите меня за такие слова. – ?*Господи, извини меня за такие слова.*)

Доля смыслового (лексического) и коннотативного (наивно-этического) в семантической структуре рассматриваемых слов различна как в лексемах одного языка (ср. русские *Пока!* и *До встречи в Москве!*), так и в словах-эквивалентах разных языков. Для иллюстрации этого положения приведем следующую цитату: «Русско-немецкое сравнение прагматических клише показало на примере выражения благодарности и извинения, что в этих случаях в русском языке клише является более дословным, чем в немецком языке. Это значит, что буквальное значение, семантика, хотя и в редуцированном виде, но присутствует; если по-русски произносится извинение, то говорящий сознательно берет на себя хотя бы минимальную долю вины; если он выражает благодарность, то он действительно благодарен, так что минимизация повода не обязательна. Степень вежливости прагматических клише также во многих случаях оказывается обусловленной культурным контекстом» [9, с. 21]. Действительно, национально-культурный контекст, включающий в себя и историко-культурный компонент, обуславливает особенности духовно-нравственной основы любого народа, его менталитета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
2. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке? / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988. – С. 87–107.
3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
4. Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
5. Колесов В.В. Философия русского слова / В.В. Колесов. – СПб. : Златоуст, 2002. – 448 с.
6. Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации (на материале лексики, фразеологии и паремиологии). Проспект словаря / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 340 с.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
8. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая. – М. : Русские словари, 1997. – 416 с.
9. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише / Р. Ратмайр // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 15–22.